

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.008

Квалификация умышленного неисполнения кредитного договора

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА АВДЕЕВА

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Общероссийская общественная организация «Деловая Россия»,
Москва, Россия

pravo@deloros.ru

Аннотация. В статье анализируются квалификационные, организационные и процессуальные аспекты умышленного неисполнения кредитного договора. Обращается внимание на особенности его уголовно-правовой характеристики и проблемы отграничения от смежных общественно опасных деяний в контексте обеспечения защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. Отмечены правовые коллизии в действующем законодательстве и их влияние на правоприменительную практику, также предложены пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: мошенничество; сфера кредитования; неисполнение обязательств; кредитный договор; уголовно-правовая охрана; превенция преступлений; уголовное наказание.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Авдеева Е. В. Квалификация умышленного неисполнения кредитного договора // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 70–80. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.008.

Original article

Qualification of Intentional Non-Fulfillment of a Loan Agreement

EKATERINA V. AVDEEVA

Law School of the Institute of Public Administration and Management
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow, Russia

Expert Center for Criminal Law Policy and Enforcement of Judicial Acts of
the All-Russian Public Organization “Business Russia”, Moscow, Russia

pravo@deloros.ru

© Авдеева Е. В., 2024

Abstract. The article analyzes qualification, organizational and procedural aspects of intentional non-fulfillment of a loan agreement. Attention is drawn to the specifics of its criminal-legal characteristics and the problem of differentiation from related socially dangerous acts in the context of ensuring protection of the rights of business entities. The author notes legal conflicts in the current legislation and their impact on law enforcement practice and proposes ways to improve legislation.

Keywords: fraud; sphere of crediting; non-fulfillment of obligations; loan agreement; criminal law protection; crime prevention; criminal punishment.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Avdeeva E.V. Qualification of intentional non-fulfillment of a loan agreement. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 70–80. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.008.

Сегодня мы видим, что в уголовный кодекс, который по своей природе должен быть достаточно статичным, регулярно вносятся поправки. Такая тенденция носит системный характер и вызывает обоснованную обеспокоенность научного сообщества, поскольку данные изменения носят преимущественно хаотичный характер. Так, например, профессор Н. А. Лопашенко, ссылаясь на количество поправок на момент 2014 г. в УК РФ и УПК РФ, указывает на деформацию уголовной политики, подчеркивая, что минимальный анализ принятых в УК РФ изменений показывает, что чаще всего законодатель шел по пути проб и ошибок, интуитивно, не понимая до начала правоприменения (если оно оказывалось возможным по «кривым» нормам), будет ли новая норма эффективна [1, с. 55]. Последние годы количество изменений, вносимых в УК РФ и УПК РФ, продолжает оставаться значительным, при этом большое внимание уделено вопросам преступлений в сфере экономики, защите прав субъектов предпринимательской деятельности. Часть правок направлена на избыточную декриминализацию, часть вводит новые составы, создавая конкуренцию норм, нередко с дефектами юридической техники, провоцируя проблемы правоприменительной практики.

Квалификация мошенничества в сфере кредитования через призму защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, интересов потерпевшего, общества и государства

Безусловно, интересным для квалификации с точки зрения теории и практики является мошенничество, сопряженное с умышленным неисполнением кредитного договора. В связи с внесенными изменениями в УК РФ в 2012 г., с выделением целого ряда специальных составов мошенничеств и дополнением ст. 159 УК РФ частями 5–7 можно рассмотреть четыре варианта квалификации при условии, что в кредитную организацию изначально были предоставлены какие-то неверные сведения.

Так, в первую очередь обращает на себя внимание формулировка диспозиции ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, которой предусмотрена уголовная ответственность за мошенничество, сопряженное с умышленным неисполнением договорных обязательств.

Правовая природа кредитного договора не вызывает сомнений в том, что такой договор является всего лишь одной из разновидностей договора [2, с. 25], особенность которого составляет то, что стороной, предоставляющей кредит, выступает кредитная организация, получившая в установленном законом порядке лицензию на осуществление таких операций [3]. Заемщиком в данной ситуации выступает юридическое лицо или индивидуальный предприниматель. Это позволяет сделать вывод о соответствии предложенного к рассмотрению варианта кредитных отношений требованиям примечания 4 к ст. 159 УК РФ, кото-

рым ограничено по кругу лиц применение привилегированного состава, предусмотренного ч. 5–7 ст. 159 УК РФ. Таким образом, в рассматриваемой ситуации формально должен быть применен именно этот состав, что отвечало бы направлению гуманизации уголовной политики для защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. Так, применение ч. 5–7 ст. 159 УК РФ предполагает ограничение на помещение предпринимателя в СИЗО, так как эти части перечислены в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ для применения без каких-либо оговорок [4] о совершении преступления в сфере предпринимательской деятельности, что предусматривает большую степень усмотрения, а также возможность прекращения уголовного преследования в соответствии со ст. 28.1 УПК РФ или освобождения от уголовного наказания в соответствии со ст. 76.1 УК РФ в случае полного возмещения причиненного материального ущерба и уплаты двукратного размера штрафа от причиненного ущерба. Очевидно, что такая конструкция, введенная законодателем, направлена не только на защиту бизнеса от негативных последствий уголовного преследования, но и будет способствовать пополнению бюджета за счет снижения количества банкротств компаний в связи с уголовным преследованием в отношении предпринимателей, а значит, сохранению юридического лица как налогоплательщика, а также работодателя с сохранением рабочих мест [5, с. 210]. То есть квалификация деяния как мошенничества, сопряженного с умышленным неисполнением обязательств кредитного договора (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ), в большей степени отвечает потребностям общества, государства и бизнеса.

Однако такая квалификация не будет иметь место в правоприменительной практике, так как был введен еще целый ряд специальных составов мошенничества, в том числе и ст. 159.1 УК РФ, которой установлена уголовная ответственность за мошенничество в сфере кредитования. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» прямо указано, что для целей ст. 159.1 УК РФ заемщиком признается лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее кредит в виде денежных средств от своего имени или от имени представляемого им на законных основаниях юридического лица. То есть действие ст. 159.1 УК РФ распространяется и на приведенный для анализа пример, охватывая случаи, когда заемщиком выступает юридическое лицо или индивидуальный предприниматель. При этом ст. 159.1 УК РФ входит в перечень статей, в которых ограничивается мера пресечения в виде заключения под стражу в соответствии с ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ только при условии совершения преступления в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности, что приводит к большой доле усмотрения со стороны следственных органов, подающих ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, и суда при удовлетворении или отказе такого ходатайства. Более того, лицо, обвиняемое по ст. 159.1 УК РФ, не может рассчитывать на прекращение уголовного преследования или освобождения от уголовного наказания в случае полного возмещения ущерба и уплаты двукратного размера штрафа. Такая квалификация ущемляет права не только подозреваемого или обвиняемого лица, но и лица, признанного потерпевшим, в данном случае кредитной организации, за счет снижения вероятности возмещения ущерба в краткосрочном периоде. А при более широком взгляде на проблему с учетом предпосылок, которые легли в основу выделения привилегированного состава, такую квалификацию можно расценивать как ущемление прав и законных интересов более широкого круга лиц [5, с. 217].

Анализ статистики свидетельствует о том, что само преступление обладает достаточно высокой степенью латентности. Это обусловлено тем, что для возбуждения уголовного

дела требуется заявление лица, которому деянием причинен ущерб. В рассматриваемой ситуации таким лицом выступает кредитная организация. Чаще всего заявление в правоохранительные органы подается только в самых крайних случаях. Есть основания полагать, что одной из причин является то, что целью потерпевшего по экономическим преступлениям является именно возмещение материального ущерба. Поэтому нередко выбор потерпевшей стороны падает на арбитражный процесс и последующее банкротство, что обусловлено скоростью и реальной перспективой получения именно материальной компенсации [6, с. 95–96]. Мотивация к полному возмещению ущерба в той же мере, как при квалификации по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, отсутствует, так как только по ч. 1 ст. 159 УК РФ предусмотрена возможность прекращения уголовного преследования или освобождения от уголовного наказания в соответствии со ст. 28.1 УПК РФ и 76.1 УК РФ соответственно. Но чаще подобные деяния, совершенные юридическим лицом, все же квалифицируются по ч. 3, 4 ст. 159.1 УК РФ. Следует отметить, что различается и размер крупного и особо крупного ущерба в три раза (ранее в два раза). Так, крупный размер для ч. 5–7 ст. 159 УК РФ определялся в соответствии с примечанием к указанной статье в размере 3 млн руб., особо крупный – 12 млн руб., после вступления в силу изменений от 06.04.2024 крупный ущерб – в размере 4,5 млн руб., а особо крупный – 18 млн руб. [7], а для квалификации по ст. 159.1 УК РФ крупным ущербом в соответствии с примечанием к ней признается сумма в размере 1,5 млн руб., а особо крупным – 6 млн руб.

Таким образом, сложившаяся конкуренция специальных норм, очевидно, не в полной мере учтенная законодателем при введении дополнительных составов, определила ситуацию, когда положение предпринимателя при квалификации по ст. 159.1 УК РФ в значительной мере хуже, но самое главное, что такая квалификация только усиливает латентность подобных преступлений, так как убирает реальную мотивацию для оперативного возмещения ущерба и лишает бюджет поступлений при уплате штрафа, что имело бы место в случае квалификации по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ и применении ст. 76.1 УК РФ. Безусловно, необходимо учитывать, что ч. 5–7 ст. 159 УК РФ были введены позднее, чем ст. 159.1 УК РФ, но вопрос формальной конкуренции специальных норм был разрешен разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации и правоприменительной практикой.

Конкуренция норм по субъективной стороне

Нередко в ситуации невозврата кредита, оцениваемой правоприменителем как результат заранее спланированных действий, целью было именно получение денежных средств без намерения их возврата с предоставлением заведомо ложных сведений или обманом в части намерения, то есть хищение в сфере кредитования путем мошеннических действий. Здесь для анализа возможной квалификации важно отдельно проанализировать две ситуации, когда предоставляются заведомо ложные сведения о финансовом состоянии, что впоследствии можно квалифицировать как по ст. 159.1 (мошенничество в сфере кредитования), так и по ст. 176 УК РФ (незаконное получение кредита). Объективная сторона этих преступлений может полностью совпадать и заключаться в предоставлении заведомо ложных сведений, разграничение происходит по субъективной стороне, то есть по направленности умысла. Так, для квалификации по ст. 159.1 УК РФ необходимо установить, что умысел был направлен именно на завладение денежными средствами без намерения их отдавать, то есть на хищение. На практике лица, выступающие заемщиками, нередко прикрывают свой умысел на хищение несколькими выплатами и последующим инициированием своего банкротства, такие «рекомендации» можно даже слышать от некоторых цивилистов или юристов, занимающихся банкротствами. Следует отметить, что для юри-

дического лица такая схема, скорее, не будет целесообразной по причине субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, хотя в случае оформления компании на номинального директора и учредителя возможность избежать ответственности для реальных бенефициаров все же есть. Анализ этих схем получения кредита с последующим банкротством необходим для предотвращения криминального злоупотребления при получении кредита индивидуальным предпринимателем, физическим лицом или группой лиц через оформление кредита на юридическое лицо, зарегистрированное на номинальных директора и учредителя.

Требуется осмысления и достаточно редкое обращение кредитора в правоохранительные органы в случае невыплаты кредита и банкротства должника. Есть основание полагать, что такая ситуация обусловлена несколькими факторами помимо указанных выше, в том числе отсутствием регламента в кредитной организации, суммой, которая не соотносится для кредитной организации с теми затратами, а также и тем фактом, что достаточно значительная доля мошеннических действий со стороны заемщиков может служить основанием для признания недостаточного уровня организации службы безопасности финансовой организации [8, с. 66].

При незаконном получении кредита умысел лица направлен именно на получение кредита, что и является целью. Сообщение же недостоверных сведений обусловлено желанием получить денежные средства, которые лицу необходимы на текущий момент, исполнять кредитные обязательства он планирует. Независимо от направленности умысла обращение в правоохранительные органы происходит преимущественно в случае невыплаты кредита. Но при квалификации по ст. 159.1 УК РФ необходимы косвенные подтверждения того, что изначально было сформировано намерение отказаться от выплат. Особенно затруднительно разграничить составы, предусмотренные ст. 159.1 и 176 УК РФ, с учетом указанной выше тенденции маскировать умысел на хищение несколькими выплатами, которые ранее в правоприменительной практике однозначно трактовались как свидетельство отсутствия умысла на хищение. Поэтому требуется анализ реальной возможности исполнять обязательства и других косвенных маркеров.

Следует отметить, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, может быть как юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, так и физическое лицо, а субъектом ст. 176 УК РФ может быть только юридическое лицо или индивидуальный предприниматель. Важно отметить, что при идентичности в большей части объективной стороны данных статей имеет место существенное различие в санкциях и, соответственно, категориях тяжести деяний в зависимости от квалификации. Так, при квалификации деяния по ст. 159.1 УК РФ при получении кредита, например, в размере 7 млн руб., санкция в виде лишения свободы может быть до 10 лет, категория преступления – тяжкое, а в случае квалификации по ст. 176 УК РФ наиболее строгое наказание в виде лишения свободы предусмотрено не свыше 5 лет, а категория преступления относится к средней тяжести. С одной стороны, законодатель справедливо определяет меньшую общественную опасность в случае, если намерение при получении кредита не было направлено на хищение, а лицо лишь желало получить кредитные средства. Важно, конечно, для отграничения противоправных действий от гражданско-правового спора точно определять объективную сторону, которая в случае квалификации по ст. 159.1 и 176 УК РФ будет заключаться в предоставлении недостоверных сведений для получения кредита при различной направленности умысла. Так, П. С. Яни указывает, что «они могут содержаться в представляемых кредитору документах, а также в иной информации, в том числе устной. В последнем случае заведомо ложные

сведения могут быть представлены кредитору, в частности, в процессе интервью с потенциальным заемщиком банка» [9, с. 49]. Последнее утверждение не является бесспорным, поскольку речь идет о профессиональном участнике хозяйственных отношений – кредитной организации, которая все договоренности должна фиксировать, поэтому ссылаться на устные сообщения как на предоставление заведомо ложных сведений с целью получения кредита представляется избыточным. Если недостоверность сведений можно объективно оценить, то вот направленность умысла оценить гораздо сложнее, качественное доказывание умысла на хищение является непростой задачей и «практически невозможно без грамотного оперативного сопровождения процесса сбора и фиксации информации» [10, с. 134].

Правоприменительная практика конкуренции ст. 159.1 и 176 УК РФ

С учетом того, что объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 159.1 и 176 УК РФ, в большей части совпадает, правоприменительная практика может быть противоречивой и относить содеянное к одному или иному составу при наличии различной степени доказанности умысла именно на хищение. Следует подчеркнуть, что коллизия норм в данном случае приводит к неоднородной практике, оставляя на усмотрение следователя глубину исследования направления умысла, что может стать почвой для коррупционных проявлений.

Так, например, приговором суда Республики Татарстан гр-н Н. был осужден по ч. 1 ст. 176 УК РФ в связи с получением кредита на подконтрольную ему компанию в размере 9 млн руб. с представлением в залог имущества, которое было передано в лизинг [11]. Кредит выплачен не был. Приговор был постановлен в особом порядке, так как подсудимый признал вину. В мотивировочной части суд, подробно расписывая объективную сторону и процесс формирования умысла, указывал и на формирование корыстной цели, не поднимая вопроса о наличии изначальной возможности для погашения кредита со стороны заемщика, расходовании полученных денежных средств, что могло бы в случае, например, вывода полученных от кредитной организации денежных средств на подконтрольные компании или их снятие дать основание для перекалфикации содеянного на хищение, ответственность за которое предусмотрена специальной ст. 159.1 УК РФ, не делая попытки в мотивировочной части объяснить отсутствие умысла на хищение.

Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что субъект преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, при предоставлении кредитной организации ложных или недостоверных сведений имеет намерение вернуть все полученное по договору, поэтому некоторые ученые даже указывают на отсутствие у него корыстной цели [2, с. 222], хотя такое утверждение отнюдь не бесспорно. Скорее, отсутствует корыстная цель, сопряженная с завладением полученными денежными средствами, но при этом остается выгода, которая может быть извлечена путем использования денежных средств в целях, на которые он и берет. Также стоит отметить, что сумма ущерба в приведенном выше приговоре обозначена в размере 9 млн руб., что дает основание полагать, что выплаты по кредитному договору вообще не производились, а потому вопрос наличия в деянии признаков хищения остается открытым.

Подтверждением коллизии норм и неоднородности правоприменительной практики служит приговор Котельнического районного суда Кировской области от 12.08.2019, которым осужден по ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159.1 УК РФ к 6 годам 6 месяцам лишения свободы. Объективная сторона у данного преступления схожа с приведенными выше примерами приговоров, которыми лицо было осуждено по ч. 1 ст. 176 УК РФ. В данном случае поводом для

квалификации деяния в качестве преступления стала невыплата кредита с одновременным предоставлением ненадлежащего залога, но, в отличие от предыдущего примера, в котором залог был передан с умолчанием о факте передачи его в лизинг, залог имел место быть, было поручительство, но залог, по мнению кредитной организации, был переоценен. При этом разграничение происходит, как указывалось выше, по субъективной стороне, то есть направленности умысла. В данном случае в приговоре умысел должным образом не установлен, доводы ограничивались фразой «не имея намерения и возможности возвращать полученные кредитные денежные средства, директор ООО ... Р., используя свое служебное положение, похитил их и распорядился ими по своему усмотрению». Такой достаточно поверхностный сбор доказательств умысла именно на хищение с квалификацией по ст. 159.1 УК РФ привел к отмене вынесенного приговора в апелляционной инстанции [13].

Приведенные примеры по своей сути схожи, но квалифицировались судами первой инстанции различно. Одновременно возникает вопрос об отсутствии сговора с сотрудниками кредитной организации, так как проверка принадлежности того или иного объекта недвижимости определенному физическому лицу должна входить в регламенты проверки при заключении сделки любой кредитной организацией [8, с. 68].

При сложностях разграничения этих двух составов и отсутствии единообразной правоприменительной практики следует говорить и о высокой латентности преступлений. Так, согласно статистическим данным количество заемщиков, имеющих просроченную задолженность только среди субъектов малого и среднего предпринимательства, на 01.01.2024 составляет 61 503 чел., при этом с 2021 г. количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих просроченную задолженность, показывает положительную динамику [14, с. 3]. Речь идет о нескольких десятках приговоров по ст. 176 УК РФ и в несколько раз больше по ст. 159.1 УК РФ. Так, например, количество приговоров по ст. 176 УК РФ за последние пять лет существенно уменьшилось с 71 приговора в 2017 г. до 8 в 2022 г., а по ч. 3, 4 ст. 159.1 УК РФ с 216 в 2017 г. до 86 в 2022 г. [15]. Это может свидетельствовать как о латентности, так и о качественном улучшении противодействия таким преступлениям путем всесторонней проверки предоставляемых данных службой безопасности кредитной организации. Необходимо отметить, что обоснование о введении в заблуждение сотрудников кредитной организации путем предоставления недостоверных сведений о залоге или финансовом положении при существующих на сегодняшний день возможностях проверки может свидетельствовать о вступлении в сговор с сотрудниками кредитной организации.

Исходя из проанализированных приговоров, есть основание полагать, что большая часть приговоров по ч. 1, 2 ст. 159.1 УК РФ связана с мошенническими действиями физических лиц. К сожалению, статистика не позволяет установить точное количество предпринимателей и физических лиц по каждой части ст. 159.1 УК РФ. Кроме того, рассматриваемые в статье примеры получения кредита юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем с предоставлением заведомо ложных сведений не распространяются на случаи, когда обвиняемым становится директор или учредитель компании, организовавший через брокерские услуги незаконное получение кредита физическими лицами. В подобной ситуации правоприменителем была вменена не только ст. 159.1, но и ст. 219 УК РФ [6].

Таким образом, правоприменительная практика свидетельствует о существующей коллизии норм, неоднородном формировании правоприменительной практики, отсутствии четкой методологии в доказывании умысла на хищение в случае, когда речь идет о предоставлении недостоверных сведений при получении кредита юридическим лицом.

Сложившаяся ситуация негативно сказывается и на очень высокой латентности таких преступлений, потому как первоочередная задача кредитной организации – получение возмещения ущерба, а этого нередко проще добиться в арбитражном процессе с последующим банкротством компании и привлечением к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника. При квалификации мошенничества в сфере кредитования, когда выгодоприобретателем является фактически юридическое лицо, а умысел на хищение нельзя вменить одному из лиц по причине возникновения ситуации, когда доказательств недостаточно, чтобы не говорить о возникающих сомнениях о направленности такого умысла у конкретного лица, то наиболее правильным было бы привлечение к уголовной ответственности юридического лица, что в координатах существующего отечественного законодательства невозможно в связи с отсутствием института уголовной ответственности юридического лица. Вместе с тем представляется целесообразным обратиться к опыту зарубежных стран, в законодательстве которых такой институт эффективно работает [17, с. 128–129].

Подводя итог, можно сделать вывод, что сегодня в законодательстве существует коллизия норм в случае квалификации получения кредита коммерческой организацией или индивидуальным предпринимателем в кредитной организации с предоставлением заведомо ложных сведений, что приводит к неоднородной практике применения ст. 176 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за предоставление заведомо ложных сведений при получении кредита, и ст. 159.1 УК РФ, которая содержит ответственность за мошенничество в сфере кредитования, это обусловлено совпадением объективной стороны и разграничением этих составов по направленности умысла.

Представляется, что такая ситуация порождает определенные коррупционные риски в связи с игнорированием возможности квалификации содеянного в качестве мошенничества в сфере кредитования или, напротив, направлении материалов уголовного дела в суд с недостаточной доказательственной базой, что будет служить основанием для возвращения дела на доследование в порядке ст. 237 УПК РФ. При этом для кредитной организации как для потерпевшей стороны более приоритетной является квалификация по ст. 176 УК РФ, так как она включена в перечень статей, по которым в соответствии со ст. 76.1 УК РФ при возмещении ущерба и уплате двукратного размера штрафа возможно освобождение от уголовного наказания или прекращение уголовного преследования в соответствии со ст. 28.1 УПК РФ. Выделение отдельного состава мошенничества в ст. 159.1 УК РФ законодателем также вызывает вопросы, потому как фактически имеет место конкуренция ст. 159.1 УК РФ и ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, так как последние улучшают положение обвиняемого, если речь идет именно о разбираемой ситуации, где заемщиком выступает коммерческая организация или индивидуальный предприниматель, а кредитором является коммерческий банк. Квалификация по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ также позволяла бы при возмещении ущерба и уплаты двукратного размера штрафа быть освобожденным от уголовного наказания, что отвечало бы интересам и обвиняемого, и потерпевшей стороны.

Изложенное позволяет говорить о том, что за период существования УК РФ было внесено слишком много изменений, которые далеко не всегда можно считать последовательными, что приводит к коллизии норм, ошибочной оценке общественной опасности и др. Поэтому должна быть сформирована четкая уголовная политика в части экономических преступлений с учетом курса на либерализацию предпринимательских составов ввиду особой значимости реальных предпринимателей, на которых возложено решение важных задач и которые должны быть ограждены от необоснованного силового давления [18], что при таком курсе не должно создать лазейки для лиц, которые будут лишь прикрываться

предпринимательской деятельностью для совершения преступлений, причиняя ущерб хозяйствующим субъектам и экономике в целом, в том числе и банковскому сектору.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лопашенко Н. А. Уголовная политика по принципу «Чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2015. № 1. С. 44–55.
2. Ермаков С. Л. Кредитная сделка – самостоятельный правовой институт российского права // Право и управление. XXI век. Научно-правовое публицистическое издание. 2008. № 3 (8). С. 21–27.
3. О банках и банковской деятельности : федер. закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 24.07.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Авдеева Е. В. Эволюция применения ч. 1.1 ст. 108 УК РФ // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 2 (22). С. 65–78.
5. Авдеева Е. В. Организация защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений : моногр. М., 2023. 227 с.
6. Авдеева Е. В. Защита гражданских прав в рамках уголовного процесса по экономическим преступлениям // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 4 (24). С. 88–101.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Авдеева Е. В. Безопасность финансовых организаций: значения, угрозы и пути предотвращения // Банковское дело. 2023. № 6. С. 64–71.
9. Яни П. С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 3 (965). С. 47–52.
10. Степанов М. В. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 133–136.
11. Приговор суда по ч. 1 ст. 176 УК РФ № 1-216/2017. Незаконное получение кредита. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/255091.html> (дата обращения: 20.03.2024).
12. Полянский А. Ю. Уголовно-правовые аспекты мошенничества в сфере кредитования // Вестник ОмГУ. Серия «Право». 2014. № 1 (38). С. 220–223.
13. Приговор № 22-1344/2020 от 13 августа 2020 г. по делу № 1-15/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SYkCmNVdbYVI/?ysclid=lljl1kks5257679624> (дата обращения: 20.03.2024).
14. Кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства. Декабрь 2023 : стат. бюл. 2024. № 12 (43). 21 с. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/48915/stat_bulletin_lending_23-12_43.pdf (дата обращения: 20.03.2024).
15. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК за 2022 г. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 20.03.2024).
16. Приговор суда по ч. 4 ст. 159.1 УК РФ № 1-145/2017. Мошенничество в сфере кредитования. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/203467.html?ysclid=llko6taltt414064526> (дата обращения: 20.03.2024).
17. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоциалистических государствах Азиатско-Тихоокеанского региона : моногр. М., 2022. 144 с.
18. Встреча с членами Общероссийской общественной организации «Деловая Россия». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71211> (дата обращения: 20.03.2024).

REFERENCES

1. Lopashenko N.A. Criminal policy on the principle of “What do you want?”, or criminal law as a means of solving all problems. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo = Bulletin of the Moscow University. Series 11. Law*, 2015, no. 1, pp. 44–55. (In Russ.).
2. Ermakov S.L. Credit transaction – independent legal institute of Russian law. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Law and Management. XXI century*, 2008, no. 3 (8), pp. 21–27. (In Russ.).
3. About banks and banking activities: Federal Law No. 395-1 of December 2, 1990 (as amended of July 24, 2023). *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy “Konsul’tantPlyus”* [Access from the ConsultantPlus reference legal system]. (In Russ.).
4. Avdeeva E.V. Evolution of the application of Part 1.1 of Article 108 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 65–78. (In Russ.).
5. Avdeeva E.V. *Organizatsiya zashchity prav sub”ektov predprinimatel’skoi deyatelnosti v khode rassledovaniya prestuplenii: monogr.* [Organization of protection of the rights of business entities during the investigation of crimes: monograph]. Moscow, 2023. 227 p.
6. Avdeeva E.V. Protection of civil rights in the framework of criminal proceedings on economic crimes. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 88–101. (In Russ.).
7. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 79-FZ of June 4, 2024. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy “Konsul’tantPlyus”* [Access from the ConsultantPlus reference legal system]. (In Russ.).
8. Avdeeva E.V. Security of financial organizations: meanings, threats and ways of prevention. *Bankovskoe delo = Banking*, 2023, no. 6, pp. 64–71. (In Russ.).
9. Yani P.S. Special types of fraud. *Zakonnost’ = Legality*, 2015, no. 3 (965), pp. 47–52. (In Russ.).
10. Stepanov M.V. Criminal and legal characteristics of fraud in the field of lending (Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Probely v rossiiskom zakonodatel’stve = Gaps in Russian Legislation*, 2014, no. 3, pp. 133–136. (In Russ.).
11. *Prigovor suda po ch. 1 st. 176 UK RF No. 1-216/2017. Nezakonnoe poluchenie kredita* [Verdict of the court under Part 1 of Article 176 of the Criminal Code of the Russian Federation No. 1-216/2017. Illegal receipt of a loan]. Available at: <https://sud-praktika.ru/precedent/255091.html> (accessed March 20, 2024).
12. Polyanskii A. Yu. Criminally-legal aspects of fraud in the lending. *Vestnik OmGU. Seriya “Pravo” = Herald of Omsk University Series “Law”*, 2014, no. 1 (38), pp. 220–223. (In Russ.).
13. *Prigovor No. 22-1344/2020 ot 13 avgusta 2020 g. po delu No. 1-15/2020* [Verdict No. 22-1344/2020 of August 13, 2020 in case No. 1-15/2020]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/SYkCmNVdbYVI/?ysclid=lljl1kksw5257679624> (accessed March 20, 2024).
14. *Kreditovanie sub”ektov malogo i srednego predprinimatel’stva. Dekabr’ 2023: stat. byul. 2024. No. 12 (43). 21 s.* [Lending to small and medium-sized businesses. December 2023: statistical bulletin]. 2024. No. 12 (43). 21 p. Available at: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/48915/stat_bulletin_lending_23-12_43.pdf (accessed March 20, 2024).
15. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo. Dannye o naznachennom nakazanii po stat’yam UK za 2022 g.* [Criminal proceedings. Data on the punishment imposed under the articles of the Criminal Code for 2022]. Available at: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (accessed March 20, 2024).
16. *Prigovor suda po ch. 4 st. 159.1 UK RF No. 1-145/2017. Moshennichestvo v sfere kreditovaniya* [Verdict of the court under Part 4 of Article 159.1 of the Criminal Code No. 1-145/2017. Fraud in the field of lending]. Available at: <https://sud-praktika.ru/precedent/203467.html?ysclid=llko6taltt414064526> (accessed March 20, 2024).

17. Fedorov A.V. *Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v postsotsialisticheskikh gosudarstvakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: monogr.* [Criminal liability of legal entities in the post-socialist states of the Asia-Pacific region: monograph]. Moscow, 2022. 144 p.

18. "Vstrecha s chlenami Obshcherossiiskoi obshchestvennoi organizatsii «Delovaya Rossiya'". [Meeting with members of the All-Russian public organization "Business Russia". The President of Russia]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71211> (accessed March 20, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА АВДЕЕВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, руководитель Экспертного центра по уголовно-правовой политике и исполнению судебных актов Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», Москва, Россия, pravo@deloros.ru

EKATERINA V. AVDEEVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Legal Support of Market Economics at the Law School of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, Head of the Expert Center for Criminal Law Policy and Enforcement of Judicial Acts of the All-Russian Public Organization "Business Russia", Moscow, Russia, pravo@deloros.ru

Статья поступила 17.04.2024